Англичанин

Леонид Сергеевич Соболев

SHOUT
SHARE
IT

- Соболев Леонид Сергеевич

Соболев Леонид Сергеевич
Англичанин

Леонид Сергеевич Соболев

Англичанин

Линейный корабль готовился к походу. Съемка с якоря была назначена на восемь утра.

Несмотря на все свои огромные преимущества перед магнитными компасами, гироскопический компас системы Сперри* требует не менее трех часов, чтобы "прийти в меридиан", то есть уставиться на север осью вращающегося в нем ротора. Штурманский электрик Снигирь - хозяин носового гирокомпаса - был заботливым его хозяином. Поэтому уже в половине четвертого он шел к компасу в нижний центральный пост.

_____

* В тридцатых годах (время действия рассказа), корабли Военно-Морского Флота еще не имели своих, советских гирокомпасов. Гирокомпас - сложный электрический прибор, в котором использованы особые свойства быстро вращающегося тяжелого диска (гироскопа). Огромная сила, направляющая ось диска к северу, позволяет использовать гирокомпас для вспомогательных приборов: для указателей курса корабля, работающих от одного гирокомпаса в десятке мест корабля, для приборов, записывающих курс (курсограф) или прямо зачерчивающих его на карте (одограф), для автоматического рулевого, для целей стрельбы (стол Полэна) и т.д. Преимуществами гирокомпаса является его нечувствительность к артиллерийской стрельбе, выводящей из строя магнитные компасы, возможность установки его глубоко в недрах корабля под защитой брони, высокая точность показаний курса корабля.

Корабль спал вполглаза. Не меньше сотни людей пробуждали его механизм от ленивого якорного сна. В трубах, переплетенных у подволока путаной сетью, потрескивал пар. Из кочегарок доносились гулкие голоса. Кубрики берегли еще синюю сонную полутьму, а машинные отсеки и кочегарки полыхали в открытые люки белым светом многосвечных ламп.

Помещения на линейном корабле отыскивают себе свободное пространство, вклиниваясь между башнями, погребами и трубопроводом хитрыми фигурами, не имеющими названий в геометрии. Среди этих помещений нижний центральный пост своими прямоугольными очертаниями напоминал квартиру из трех комнат. Выходило так, что почти всю эту квартиру занимала

артиллерия. Она отхватила себе две комнаты: одну она забила моторами приборов управления артиллерийским огнем (сокращенно именуемыми криком новорожденного: "УАО"), а вторую увесила сверху донизу самими приборами УАО, заняв середину поста столом Полэна - умным механизмом, вычисляющим за артиллериста.

Штурманская же часть, на положении бедного родственника, оказалась загнанной строителями линкора в крохотушку-комнатку. Здесь во время боевого маневрирования, скинув китель в результате борьбы дисциплины с сорокаградусной жарой, обычно изнемогал над картой младший штурман Крюйс, ведя по приборам запутанную кривую пути линкора. Вследствие этой тесноты гирокомпас Сперри пришлось прописать на артиллерийской жилплощади.

Он был установлен в левом углу возле двери в штурманский пост и отделен от артиллерии условной границей медных поручней, подобно тому как отделяют шкафами угол для ввалившегося в московскую квартиру родственника из Тамбова.

Снигирь был штурманским патриотом. Поэтому такое утеснение выводило его из себя. Именно ему принадлежала мысль оградить гирокомпас поручнями, и он с удовлетворением оборачивался на каждое шипенье третьего артиллериста, когда тот, наклонившись над столом Полэна, неизменно стукался копчиком о медный прут. Артиллерист был толст, пожалуй, толще младшего штурмана, и ворочаться ему в коммунальной тесноте поста было сложно.

Поручни родились позапрошлым летом на стрельбе, когда стол Полэна публично оскандалился со всем своим электрическим умом. Линкор вертелся вправо и влево, изображая маневрирование при уклонении от атак, - и стол Полэна должен был докладывать артиллеристу изменение направления и расстояния до цели, учитывая каждый поворот и ход линкора. Полэн был в центре общего внимания, как выходящий к финишу вельбот. Он жрал электроэнергию киловаттами, хрустел шестеренками, пережевывая данные, и взасос пил гирокомпасную кровь: компас по гибкому семижильному кабелю сообщал ему курс линкора. Но, к ревнивой обиде Снигиря, гирокомпас Получил только ядовитые попреки.

- Понаставили тут компасов, повернуться негде!.. - ворчал третий артиллерист. - Надо вашу бандуру подальше в угол сдвинуть...

Артиллерист был сильно не в духе. Он хмуро ложился животом на стол, вводя в Полэна всяческие поправки, и трижды уже сообщил по переговорной трубе в боевую рубку: "Сейчас

выправлю..." Снаряды ложились совсем не у щита - Полэн, видимо, врал, как американский репортер.

Неполадка разъяснилась неожиданно. В паузе команд и телефонных разговоров из штурманской клетушки донесся умученный голос Крюйса, вслух колдовавшего над картой:

- За полминуты полтора кабельтова... полтора... Где циркуль?.. Курс восемьдесят шесть... восемьдесят шесть...

- Как восемьдесят шесть? - сказал третий артиллерист, отдуваясь. - Что у вас с компасом, Снигирь?

Там, наверху, в боевой рубке правили обычно по указателю кормового компаса - рулевым он больше нравился по причине яркости освещения, - и по нему же вел боевую прокладку и Крюйс. Снигирь наклонился над своей картушкой: носовой компас, включенный на время стрельбы на стол Полэна, показывал семьдесят два градуса.

Снигиря кинуло в жар. Он бросился к уровням. Пузырьки их вышли из рабочего положения. Это означало, что случайный толчок артиллерийского зада вывел гироскоп из меридиана. Компас перестал быть компасом - по крайней мере, на полчаса он превратился в неизвестно для чего жужжащий волчок...

Этот случай привел Снигиря к трем выводам. Во-первых, к изобретению ограждающих компас поручней; во-вторых, к самолюбивой профессиональной мысли, что "полено" ничуть не умнее гирокомпаса и славу свою имеет за счет других приборов; в-третьих, что от неисправности гирокомпаса зависит не только путь корабля, но и целый бой. Последнее еще усилило его любовь к замечательной машине, называемой гироскопическим компасом.

В посту стояла теплая и звучная корабельная тишина. Дежурная лампочка дробила свой свет на артиллерийских приборах. Компас, заботливо накрытый чистым парусиновым чехлом, дремал в углу за своими поручнями.

Снигирь, бренча цепочкой, вытянул из кармана ключи, ненужно изящные, как от дамского чемодана (они вместе с компасом были сделаны в Англии), и отомкнул решетку распределительной доски. Холодный черный ее мрамор и стекла измерительных приборов, сверкнув, сонно переглянулись. Освобожденный от чехла гирокомпас, поблескивая черным лаком и никелем, покосился на Снигиря своим огромным выпуклым стеклом.

Снигирь привычно и ловко осмотрел "чувствительную систему", к которой доступа после не будет, прошел к моторам и вернулся к доске. Он замкнул рубильник питания. Лампочка над компасом ярко вспыхнула и осветила двадцатидвухлетнего

советского парня, готовящегося принять на себя всю заботу и ответственность за поведение сложной и капризной заморской машины.

- Ну, Маруська; поехали! - негромко сказал Снигирь и повернул ротор на примерный курс корабля, чтобы машине не искать меридиан зря по всему горизонту. Потом в течение минуты щелкали рубильники, взвизгивали один за другим моторы, вспыхивали лампочки, вздрогнув, сдвигались под стеклами стрелки приборов, звонко и четко зачикал азимут-мотор, и ровное низкое жужжание врезалось в тишину поста. Спиральная полоса в окошечке кожуха начала падать, указывая, что ротор завертелся в нужную сторону и что механические силы, рожденные электрическим током, начали свою борьбу, приводя ось гироскопа на север.

Снигирь снял телефонную трубку.

- Динамо номер четыре, - сказал он телефонисту.

Трубка защелкала, потом в нее вошел сильный и ровный гул.

- Судинов, ты? Включен носовой компас. Ток с тебя взял... Смотри, я вольтаж записываю, помни - 220 и ни копейки меньше.

- За собой смотри, у нас дело чистое, - ответил телефон. - Ну, пожелаю... плыви! Не вывернись по дороге!

Снигирь сел на разножку у компаса и раскрыл рабочий журнал. Сквозной договор соревнования специальностей - кочегары (пар), электрики (ток), штурманские электрики (компас) и рулевые (точность курса) - вошел в силу. Энергия, преобразующаяся из огня и воды в путь корабля, на каждом этапе была взята под пристальный контроль.

Впрочем, рулевые еще спали, и рули были недвижны в мутной воде гавани; еще и пар в котлах не взошел в свою полную силу, стояли и турбины, набираясь тепла, и когда еще вздрогнет шпиль, начиная выхаживать якорь, - но гирокомпас уже запел свою хорошую песню.

Снигирь любил компас первой технической любовью, восторженной и ревнивой.

Дед и отец Снигиря были поморами. Они десятки лет сражались с нуждой на два фронта: на холодных плацдармах Белого моря и в конторах рыбопромышленника Сизых. Война на море была опасной, но успешной: карбас возвращался, доверху полный серебристыми, подпрыгивающими в сети трофеями. Но десант, высаживаемый Снигирями на непоколебимые крепости Сизых, неизменно терпел поражение. В море всегда казалось, что улов обеспечит семью на полгода, - а в конторе Сизых денежная сила рыбы оказывалась ничтожной: Сизых бил ее ураганным огнем несусветно низких цен. Но больше сдавать треску было

некуда. Выходя из конторы и ощупывая в соленых карманах кредитки, Снигири надеялись, что их хватит все же на три месяца жизни. Они несли их в магазин - и там тот же Сизых бил кредитки на выбор прицельным огнем цен, повысившихся за время плаванья. Но покупать больше было негде. Снигири, вздыхая, брали высокие сапоги, новые сети, смолу для шпаклевки, парусину взамен изодранной океанскими ветрами - и кредитки падали в выручку, как трупы на лобовой атаке. Остатки шли на семью, и их хватало на две недели. Тогда Снигири - дед и отец, - починив карбас, снова шли на морской фронт добывать снарядов для нового сухопутного боя.

На этот фронт Федюшку мобилизовали девяти лет от роду: воловья крепость деда сдала, и лишь вместе с внуком он мог составить одну человеческую силу. Тогда-то Федюшка и увидел впервые компас.

Это был небольшой котелок, хитро приделанный к кормовой доске карбаса. Север он показывал с точностью дерева, поросшего на северной стороне мхом, не большей. Но и такой он стоил столько же, сколько сам карбас: Сизых отлично понимал, что помору без компаса пути нет, а у берегов главные косяки рыбы не появлялись.

Четыре года проплавал Федюшка с отцом - дед однажды упал в воду, поднимая сеть, и не всплыл. На пятый год море изменилось. На нем появился английский крейсер и стал на якорь около рыбачьего поселка. Крейсер был трехтрубный, огромный и гладкий. Это был первый пароход, который увидел Федюшка (Сизых и тот вывозил скупленную треску на парусной шхуне).

Берег же почти не изменился. Правда, уже год, как урядник перестал носить шашку и поступил к Сизых сторожем. Вместо него порядок в поселке поддерживал Филатычев сын, молодой и наглый парень, всю войну отсидевшийся дома по знакомству отца с урядником. Жить же стало хуже: Сизых еще больше качнул коромысло цен - покупных на рыбу и продажных на товар: первые понизились, а вторые повысились, как связанные друг с другом две чашки весов.

Английский крейсер вошел в Федюшкину жизнь познанием машины.

Это было в пятницу 13 июля 1918 года. День запомнился потому, что отец не хотел выходить в море: нехорошая примета - тринадцатое и пятница. Крейсера на рейде не было уже шестой день. Прошли за мыс и на горизонте заметили пять пароходов. Когда подошли ближе, Федюшка увидел, что ближний пароход тащил лебедкой из воды стальной трос. Трос бежал на палубу, громыхая, круто сгибаясь в блоке стрелы. Вдруг море зашипело

пенистым пузырем, и огромная туша живого серебра, выпрыгнув из воды, повисла на стреле. Федюшка разинул рот. Полтора-два карбаса трески бились в сети высоко, под самым английским флагом. Потом сеть будто лопнула: рыба рухнула на палубу, извиваясь безмолвна и отчаянно.

Это была техника - такой ее увидел впервые Федюшка.

- Трал, - сказал отец и хмуро потрогал тяжелую дедовскую сеть. - Сизых опять цены сбавит. Гляди, сколько враз берут. Прорва.

Карбас повернул в море. Но вместо рыбы на этот раз Снигири выловили из воды трех русских матросов. Матросы оказались со сторожевого судна, потопленного вчера английским крейсером. Вся война перепуталась: воевали с немцами, а стали топить англичане. Матросы стучали зубами, один хрипло плакал и матерился в Белое море, в белую гвардию и в белесые богородицыны очи. Отец, выслушав, повернул карбас к поселку, держась подальше от английских траулеров.

Крейсер появился внезапно, когда карбас уже подходил к мысу. Отец велел матросам лечь на дно; их закрыли сетями. Круто повернули к берегу. Парус захлопал.

Крейсер рявкнул сиреной и поднял какой-то флаг.

- Мелко, сюда не пойдет, - сказал отец сетям вполголоса, будто на крейсере могли услышать. Здесь начинались прибрежные камни, и фарватер между ними знали только рыбаки.

Но с крейсера упала шлюпка, скользя по талям, и донесся звук мотора. Ветер и бензин спорили недолго. Через пять минут шлюпка была близко и с нее крикнули: "Стоп!"

- Ложись на дно, они враз напорются! - крикнул отец и вырвал у Федюшки румпель.

Федька прилег к сетям. Мотор и вправду затих, шлюпка стала. Но потом мотор снова заработал, только по-иному - реже и громче. Рядом с Федькиной головой правый борт карбаса пошел изнутри колоться в щепы. Карбас дрожал, и линия расколотой щепы шла к корме, будто борт прошивали швейной машиной. Когда щепа повалилась против сетей, они зашевелились. Из петель высунулась рука с протравленным на коже якорем, она поскребла дно и застыла. Сети вспрыгнули другим концом, и оттуда выскочил матрос, тот, который ругался. Он встал у борта и кричал страшные и бессмысленные слова, грозя кулаками. Вдруг он упал животом на борт и замолк. Тогда качнулся отец. Он откинулся навзничь, голова его ударилась о компас. Стук мотора был ровен и нетороплив: с каждым его звуком голова отца дергалась и будто уменьшалась. Из нее брызгало красное и серо-желтое. Федюшка закричал и кинулся за борт. Рядом были

высокие камни, и между ними, плача и задыхаясь, он доплыл до берега.

Без отца и без карбаса жить стало невозможно. Мать сгорбилась и ослабла на глазах. Федюшка работал у Филатыча за харч года полтора, пока до поселка не достигла Советская власть и Сизых не исчез.

Трал и пулемет - две машины, впервые увиденные Снигирем, - легли в основу его любви и ненависти. Ненависть была - англичанам, любовь - машине. Он перечитал все книги в скупой библиотеке артельного Красного уголка, составленной из реквизированных у Сизых приложений к "Родине" и из всякой мешанины, присланной из города в порядке культшефства союзом совторгслужащих. Первые рассказывали про любовь, горевшую в графском сердце. Вторые - про преимущества многопольной системы над трехполкой, про спор ревизионистов с марксистами и про влияние раннего символизма на космические тенденции "Кузницы". Но про машину - и те и другие молчали.

Однажды Снигирь обрадованно ухватился за нужную книгу. Она была с чертежами и называлась совершенно ясно: "Конструкция или кулиса?" Оба эти термина были в словаре иностранных слов и обозначали машинные понятия. Но кулиса оказалась театральной, а конструкция - наворотом кубов и лестниц на сцене, что и было показано на рисунках. Второй раз книга попалась нужнее: "Электротехника для монтеров". С голодухи Федор выучил ее наизусть при свете керосиновой лампы: электричества в поселке не видывали.

В 1927 году Федора Снигиря, только что раздобывшего разрозненные номера "Науки и техники", призвали на военную службу. Проехав до города триста семьдесят верст на подводе, Снигирь, как помор, был определен в Красный Балтийский флот. За следующие три дня он прошел молниеносный путь знакомства с техникой, оглянувшись на телефон в военкомате, едва успев ахнуть на паровоз и восторженно смолкнув на вздрагивающей палубе эскадренного миноносца, перевозившего партию молодых в Кронштадт.

В дни отдыха от строевой учебы молодняк водили по кораблям знакомиться с флотом. Линкор был набит механизмами и доверху налит электричеством. Не вмещаясь, оно истекало наружу из люков и иллюминаторов столбами яркого света, впитываясь в снег на льду и в скользкое пасмурное небо.

- Товарищ командир, а где тут у вас компас? - спросил Снигирь, отыскивая знакомую технику.

- Компас у нас говорят, - поправил главный старшина рулевой, водивший молодых по кораблю, и поинтересовался,

откуда Снигирь знает про компас.

Компас сначала разочаровал. Он был больше похож на часы, вделанные в стену. Потом оказалось, что это - один из двух десятков указателей, расставленных по кораблю, а самый компас, смешно называвшийся "маткой", стоит глубоко внизу и оттуда кружит по проводам эти не понравившиеся Федюшке "часы". Это сразу внушило к нему уважение.

Молодым повезло: для каких-то испытаний кормовая матка работала. Ровное жужжание моторов наполняло пост серьезностью, тишиной и великолепием исправной машины. Гирокомпас - большая тумба, поблескивающая черным лаком и никелем, - был открыт. Штурманский электрик стоял у распределительной доски. Две крохотные лампочки на ней ярко горели, как иллюминация в честь техники.

- Компасы у нас электрические, системы Сперри, английские, - начал объяснять главстаршина, а электрик, улыбаясь, смотрел на молодых, затаивших дыхание. Снигирь не слушал. Он стоял, потея в плотной шинели и меховой шапке еще без звезды, уставившись загоревшимся взглядом на черный мрамор распределительной доски. Смутные догадки наполняли его мысль. "Электротехника для монтеров", выученная наизусть, но непонятная, вдруг ожила, превратилась в реальную форму вольтметров, амперметров, рубильников и моторов и, просияв на никелированной вздрагивающей картушке, вновь стала загадочной, уйдя в жужжащий компас.

Вечером он написал заявление с просьбой при распределении по школам назначить его в школу штурманских электриков, упирая на знаменитую "Электротехнику для монтеров", и этим определил свой флотский путь.

В электроминной школе Снигирь испытал первое торжество профессионала. Гирокомпас, разобранный на части, потерял свою таинственность. Тускло сверкая безжизненными подшипниками, ротором, кольцами и винтами, он лежал на столе, как вскрытый человеческий труп. Каждый винт Федор ощупал сам, и каждому винту его научили найти свое место. Сборка шла медленно. Собранную часть снова разбирали, раскидывали по столу и собирали вновь, добиваясь, чтобы эти части ввинтились в мозг так же крепко, как их винты в сталь.

Потом возились с присоединением проводов. Задняя стенка распределительной доски была похожа на коммутаторную доску телефонной станции; сотни проводов сплетались за ней причудливыми черными змеями, покачивая блестящими жалами наконечников. Каждому жалу было свое место - и это место надо было найти, не глядя на схему.

Схем было две: одна No 32 - "основная", другая "полная". "Основную" Снигирь мог начертить наизусть. "Полная" снилась ему по ночам в черных, синих и красных переплетающихся линиях. Это были три тока, действующие в компасе: трехфазный переменный в 90 вольт, постоянный в 20 вольт и постоянный в 6 вольт. Они текли в компас, производили каждый свое умное дело и сбегались в общий минус. На схеме это место называлось "точкой No 9" - и во сне она казалась Снигирю коллективом. Три разнохарактерных тока, каждый со своей работой, бежали из нее по одному проводу вместе - неотделимые и в то же время несмешивающиеся. Так коллектив соединяет в общей работе разных людей, не обезличивая, но ведет их вместе к одной творческой цели.

С побудкой в нижний центральный пост спустился приехавший на поход старший техник гирокомпасного отдела Костровцев. Он поставил на палубу чемоданчик с инструментами и протянул Снигирю руку.

- Живет? - спросил он, кивнув головой на компас.

Снигирь радостно с ним поздоровался. Костровцев когда-то сам был штурманским электриком на подлодке. Он возился с гирокомпасами десятый год, и за немногие часы совместной с ним работы Снигирь узнал о гирокомпасе больше, чем в школе. Там была теория, здесь - практика.

Костровцев был, как всегда, серьезен и немногословен. Он посмотрел на доску, потом на компас. Взгляд его ложился на машину, как пломба: твердо и удостоверяюще.

- Не шалит?

- Не кормовой, Сергей Петрович, - ответил Снигирь тщеславно. - Это у Баева все непорядки, поправка каждый поход разная, передатчик искрит. Затем и приехали?

- Посмотрим вот...

Костровцев сел на чемодан и, вынув по привычке трубку, пососал ее впустую. Курить в посту было нельзя.

- Спеца на это привезли, - сообщил он, пряча трубку, - пять лет у самого Сперри на заводе работал...

Снигирь нахмурился.

- Англичанин?

- Самый стопроцентный.

- Зря! - сказал сердито Снигирь. - Всякого гада на корабль Красного флота пускать...

Костровцев усмехнулся.

- Все еще тебя не убедили? Раз англичанин - так и гад?

Из записной книжки сперриста Снигиря

(Необходимые для рассказа выборки)

Ленинизьм есть марксизьм эпохи империализма. Непонятно говорил, спросить Григ.

Правый рубильник на верхнюю шину - левый борт боевой цепи.

Кассандра, Кюрасо - крейсера 2
Виттория, Верулам - эсминцы 2
Виндиктив - авианосец 1
Джентиен, Миртль - тральщики 2
Торпедных катеров 3
Заградитель 1
Л-55 - подлодка 1
12(!)
- английские корабли, утоплен нами в Балтике в гражданск.

Что чистить ежедневно:
передатчик,
контактные колесики,
все реле.

Заявление о приеме на морфак послано при рапорте комроты No 129 командиру корабля.

Матке компаса
Спасибо, подруга, тобой я ничуть не обижен:
Весь поход ты покорна была.
Еще долго с тобой нам вместе жить нужно,
Ты с честью свой долг отдала.
Ценю как и твой, так и мой труд совместный,
И штурман нас сам похвалил.
Недаром же целыми днями
К тебе я на чистку ходил.

Крейсер звался "Корнуэлл", ушел из Белого моря, только как свергли белую власть. Спрашивал штурмана, говорит, и сейчас плавает в Англии.

Сказать Костровцеву о реле мотор-генератора и о щетках динамомотора искрят,

Империализьм - то, во что вырос капитализьм теперь. Главные империалисты - англичане, потом французы.

"Потомок Чингис-хана". Хорошая лента, как англичан били.

Снигирь, меняя разговор, заговорил о реле: опять запахло давнишним спором. В начале знакомства, два года тому назад, Костровцев на балансировке компаса как-то рассказывал о Лондоне, где он был в командировке, о заводе Сперри, о привычках гирокомпаса и о привычках англичан. И тогда Снигиря прорвало. В этом же нижнем центральном посту он изложил причины, по которым всех англичан считал врагами. Тринадцатое июля, пятница, было отправным пунктом. К нему прибавился счет

за интервенцию. На чашку весов легли крейсер "Олег" и три эсминца, потопленные англичанами в Балтике: бомбы, скинутые на Кронштадт в 1919 году; расстрел 26 бакинских комиссаров; нота Керзона 1924 года; Хиксовский погром АРКОСа 1927 года.

Костровцев со всем счетом согласился вполне. Он даже прибавил от себя несколько пунктов, которых Снигирь и не знал. Но он разделил англичан на тех, кто должен ответить по этому счету, и на тех, кто должен помочь нам получить по нему.

Снигирю это было известно не хуже его. Еще в школе "национальному загибу" Снигиря был посвящен специальный политчас. Снигирь охотно соглашался на международную солидарность с американцами, французами и особенно с немцами - этих по какому-то Версальскому договору грабили все, кому не лень. За китайцев, негров и индусов он даже прямо стал горой - тогда они казались ему чем-то вроде знакомых ему лопарей, только голых, потому что жарко. Но на англичанах он неизменно впадал в шовинизм. 13 июля, пятница, ровный стук машинной смерти, голова отца, прыгающая на компасе, - это не забывалось. В конце концов ведь убивали его отца, Сережкина деда и Пашкиного отца не капиталисты, а именно англичане. Не страшная рожа в цилиндре с оскаленной золотой челюстью, под которой подпись "капитал", а живые широкогрудые, сытые матросы. Матросы же выходили - пролетариат. Здесь была явная неувязка: пролетариат и англичане?

Неувязку эту Снигирь был вынужден затаить в себе - рота не в шутку начинала донимать кличкой "шовинизьма". Потом, со временем, неувязка эта разъяснилась, когда Снигирь наконец понял, что человечество делится не на нации, а на классы. Эта истина вошла в ум плотно и крепко, как винт в сталь.

Однако все же Снигирь вспоминал порой тринадцатое июля, пятницу, и тогда ненависть привычно обращалась к англичанам.

К семи часам Снигиря подменил Таратыгин - надо было идти завтракать. Он наскоро проглотил чай и ситный и потом специально спустился в кормовой пост.

Англичанин оказался тощим и высоким человеком в плотной синей блузе, надетой поверх рубахи с твердым крахмальным воротником. Он стоял у доски, соображая. Правая щека его неприятно дергалась два раза в минуту. Кормовой компас еще не работал. Баев скучающе хлопал глазами около англичанина.

"Инженер. На наши деньги польстился", - подумал Снигирь и поманил к себе Баева.

- Ну, как он? - спросил он тихо.

- Сердитый. Только и знает - фырть да фырть, швыряется ключами. То нехорошо, это неладно. Ткнет пальцем в реле,

головой качает, "но гуд" говорит... Все ему не нравится.

Баев рад был поговорить после вынужденного молчания, но англичанин повернулся и залаял на него, показывая пальцем на вольтметр:

- Уэр-из йор сапляй? Ай-уант ту-ноу йор вольтедж...*

_____

* Где у вас питание? Мне нужно проверить вольтаж...

- Вот все время так, разбери попробуй, а Костровцев куда-то провалился... Шалтай-болтай, зюйд-вест и каменные пули, - сказал Баев сердито и переспросил, будто это могло помочь: - Что надо?

- Суич-он йор коррент... - сказал инженер нетерпеливо и повторил еще раз раздельно: - Сап-ляй!*

_____

* Включите ваш ток... Питание!

- Сопля!.. - вдруг догадавшись, крикнул Снигирь. - Включи ему судовой ток! Не помнишь, что ли, - "сопля"?

Английское слово supply, обозначающее "питание", было выгравировано на распределительной доске и служило еще в школе предметом хохота, отчего оно и запомнилось превосходно. Но англичанин произносил его иначе: "сапляй", поэтому было трудно сразу догадаться, что речь идет о знакомой "сопле" - то есть о судовом токе.

Баев, фыркнув, подошел к рубильнику.

- Найс бой, э-рилл краснофлотец, уэл!* - улыбнулся инженер и одобрительно ударил Снигиря по плечу.

_____

* Славный парень, настоящий краснофлотец!

Тот сжался и, помрачнев, вышел из кормового поста.

На походах Снигирь моря не видел. Он только чувствовал его за двойным дном корабля под ногами. Оно, несомненно, было; стрелка лага, щелкнув, перескакивала, обозначая, что корабль прошел еще восемнадцать метров, указатель скорости покачивал своей длинной стрелкой, картушка компаса, чикая, вдруг начинала плавно катиться - и по этому можно было понять, что линкор шел вперед и поворачивал. В остальном - движения корабля не ощущалось. Огромный корабль, осторожно и бережно пробираясь в предательской тесноте отмелей и рифов Финского залива, давил мелкую волну, ничем не отзываясь на ее толчки.

Нынче поход выдался хлопотливый: стрельбы, правда, не было, но линкор маневрировал. Он резко поворачивал, резко менял хода - и все время приходилось взглядывать на указатель скорости. Передвижение корабля, несущего вместе с собой гирокомпас, вмешивалось в борьбу сил внутри компаса, пытаясь

увести его с линии севера. Снигирь предупреждал это, устанавливая каждый раз диск особого корректирующего приспособления на новую скорость корабля. Кормовой компас все еще не работал, и вся ответственность за точность курса лежала на Снигире.

От этого у него было приподнятое, праздничное настроение. Компас работал четко, яркий свет заливал пост, ровное жужжание было спокойно и чисто. Хорошо знать, что машина исправна, хорошо знать, что исправностью этой она обязана тебе, хорошо прятать веселую гордость специалиста за внешним безразличием уверенного спокойствия!.. Снигирь даже позабыл об англичанине.

О нем напомнил Таратыгин, который спустился в центральный пост подменить Снигиря на ужин.

- Раскусили, - сказал он торжествующе и пустился в сложные объяснения, почему, оказывается, кормовой компас неладно работал.

- Без англичанина не справились-таки, - кольнул Снигирь с ехидцей. Технички!

- Дался тебе англичанин! - рассердился Таратыгин. - Да и не он вовсе нашел, а Костровцев!

- А зачем тогда этого черта приглашали? - сказал Снигирь непримиримо. Кланяться всяким, когда у самих головы есть... И неплохие, советские...

- Твоя-то уже очень советская! - съязвил в ответ Таратыгин. "Шовинизьма" и есть, недаром прозвали! Иди ужинать!

Ужинать Снигирь пошел, но после все же заглянул в кормовой пост. Костровцев и англичанин разговаривали у весело чикающего компаса. Баев тоже повеселел - позор с кормовой матки был снят, и она уже пришла в меридиан. Нет ничего обиднее недоверия к твоему прибору.

Английская речь щелкала, култыхала и шипела. Англичанин был виден в профиль, и подергивания его щеки не было заметно. Снигирь смотрел на него с худо скрытой неприязнью. Такие же лица были у тех розовоскулых матросов резкие, надменные, длиннозубые и бритые.

Англичанин повернул голову и, увидев Снигиря, сказал что-то Костровцеву, улыбнувшись.

- Спрашивает, ты еще юнга, по-ихнему ученик? - перевел Костровцев. Отвечай ему, я переведу.

- Сам можешь сказать, знаешь ведь, - ответил Снигирь сердито. - А впрочем, скажи ему, что три года назад я о гирокомпасе и не слыхал, а теперь специалист. Скажи, если потягаться, так я его английскую морду умою, хоть он пять лет на заводе работал. И потом скажи, что я очень рад, что не он, а ты

догадался, в чем неполадка была.

Костровцев усмехнулся и перевел, выпустив, очевидно, многое.

- Удивляется, что у нас очень молодые специалисты, - сказал он, когда англичанин замолчал. - А тебя хвалит, говорит - догадливый.

- Черта мне в его похвале! - оборвал Снигирь и вышел из поста.

На верхней палубе его охватила сырость. Она висела над морем, сгущаясь у горизонта в мутную мглу. Финский залив превратился в открытое море без видимых берегов.

Но линкор не уменьшал хода. Видимость оставалась достаточной, чтобы вовремя заметить встречные корабли. В неверной мгле, скрывшей берега с их маяками и знаками, линкор продолжал свой быстрый прямой путь, доверяясь гирокомпасу. И Снигирь ощутил прилив гордости.

Таратыгин встретил его недовольно:

- Где тебя носит? Сиди тут за тебя, жарища мертвая. Я вентилятор пустил - и то не легче... Что на ужин было?

- Макароны, - сказал Снигирь. - Успеешь, еще сигнала не было.

Он привычно взглянул на приборы, проверил ток в батарее и наклонился к компасу. Курс был семьдесят градусов. И этот курс, последний перед поворотом на Кронштадт, и опустевший после ученья пост, где остался один Снигирь, ясно говорили о конце похода.

Безжизненный до сих пор указатель кормовой матки, установленный здесь для взаимного контроля, вдруг ожил. Картушка его, защелкав, быстро описала почти полный круг и, дойдя до нуля, остановилась. Снигирь усмехнулся: наконец-то включили! Поспели к шапочному разбору... Технички... Весь поход провозились!

Указатель, помолчав, опять защелкал, и его картушка осторожно, будто ощупью, подошла к цифре 70, остановилась и потом равномерно зачикала около нее: кормовая матка начала работать.

Снигирь отметил это в рабочем журнале и прошел на штурманский пост взглянуть, не греется ли мотор лага. Там было неожиданно прохладно. Вытяжной вентилятор ревел своим широким трясущимся зевом. На решетке его трепетала втянутая сильным током воздуха бумажка с почерком младшего штурмана. Снигирь снял ее и положил на стол - может, нужная.

Мотор был в порядке, и Снигирь вернулся к компасу.

Привычка подняла его глаза к указателям - своему и

кормовому, и он остановился в недоумении. Они расходились: свой держался на 70, а кормовой отошел на 63.

- Ну, загуляли, - сказал Снигирь насмешливо и снял трубку прямого телефона в кормовой пост. - Баев? Не успели наладить, как опять сначала? Куда ты выехал? Курса не меняли, курс семьдесят.

Баев встревоженно заговорил в сторону от трубки, и потом голос Костровцева сказал:

- Я и то смотрю за твоим указателем, ползет. Что у тебя с компасом?

- У меня все в порядке, а что у вас? У семи нянек...

- Погоди, - сказал Костровцев серьезно. - У нас ничего не могло быть, мы тут все время.

- И я все время!

- Проверь режим. Ты вышел из меридиана.

Снигирь хотел обидно отругнуться, но вспомнил мглу на берегах. Обижаться было не время. Корабль шел по его компасу. Финский залив - не океан, и аварии в нем меряются градусами курса.

Он проверил показания приборов. Ничто не указывало на неполадку. Он опять позвонил Баеву.

- Проверь себя. Ты рано считаешь, что пришел в меридиан. Наверное, компас еще ходит.

- Поучи еще, - заметил Костровцев. - Что он тебе - на семь градусов ходить будет? У тебя что-то неладно, а не у нас...

Вопрос был неразрешим. Сказать, какой компас вышел из меридиана, мог только штурман, определив место корабля по береговым предметам и сравнив его с курсом. Но берега не было, над ним висела мгла. Именно по этой причине на больших кораблях ставят не два, а три компаса. Но третий компас был снят его меняли на новую модель.

В трубку донеслась английская речь Костровцева - очевидно, он советовался с англичанином. Потом он решительно сказал:

- Снигирь, ищи у себя! У нас все в порядке, Хьюдсон то же говорит. Доложи штурману, а мы сейчас к тебе придем.

Напоминание об англичанине взорвало Снигиря. Профессиональная гордость специалиста приобрела неожиданную окраску. Он повесил трубку и рывком взял другую.

- Мостик, - сказал он зло.

Он доложил штурману, что курсу верить нельзя, и добавил, что наверняка врет кормовая матка. Штурман согласился: он не имел причин не верить носовому компасу: за исключением случая с артиллерийским задом он никогда не выходил из меридиана, а кормовая матка постоянно подвирала.

- Сейчас пришлю главстаршину, - сказал он, - разберитесь скорее, кто из вас врет, и приведите в меридиан. Пусть Костровцев это сделает, раз он на корабле.

- Есть, - сказал Снигирь, скосив глаза на компас, и с беспокойством поглядел на рабочий журнал, лежавший у самого компаса на табуретке.

Журнал лениво потягивался правой страницей и вдруг перелистнул ее без посторонней помощи. Снигирь прыгнул к компасу, присел на корточки и, облизав палец, подставил его к кожуху гироскопа. Палец свеже захолодел. Все стало ясно: врал компас его, Снигиря.

У кожуха была сильная струя сквозняка. Он тянул в открытую дверь штурманского поста к вытяжному вентилятору. Ток воздуха давил на чувствительную систему, прибавляя к рассчитанной конструктором борьбе механических сил внутри гирокомпаса еще одну - непредвиденную.

- Вот же болван, жарко ему! - ругнулся Снигирь в адрес Таратыгина, быстро выключая вентилятор и захлопывая дверь. Однако по справедливости он понимал, что Таратыгин был ни при чем: сквозняк создал он сам, Снигирь, открыв дверь в штурманский пост.

Компас врал по его недосмотру. Это был факт. Но фактом было и то, что англичанин идет сюда с Костровцевым. Сейчас они переглянутся с улыбкой, и Костровцев позвонит штурману, что носовой компас врет и править надо по кормовому. Это значило: профессиональный позор, нарушение договора, насмешки рулевых и подначка штурманских электриков, а над всем этим - презрительная улыбка англичанина.

Потом Костровцев сдвинет брови и осторожно начнет приводить компас в меридиан. Для этого нужно было только подавить пальцем его чувствительную систему - подавить с нужной стороны, с нужной силой и в нужное время. Однажды Костровцев это делал, и Снигирь помнил напряженное выражение его лица: компас мог "вывернуться". Он мог запрокинуться в "следящем кольце" и начать биться в нем, как сильный свирепый молодой зверь, жужжа высоким воем раненного насмерть животного... Мог заскочить нижний направляющий штифт, и тогда уровни и ртутные баллистические сосуды будут сломаны яростной силой взбесившегося прибора...

Снигирь стоял над компасом, быстро соображая. Ошибка была сделана, и скрыть ее было нельзя. Но можно было исправить последствия этой ошибки. По крайней мере, тогда на презрительный взгляд англичанина можно будет ответить таким же взглядом.

Снигирь вытянул над компасом руки, сощурив глаза и делая пальцами странные движения, будто гипнотизер, усыпляющий больного. Это было репетицией: "правило штопора" вспоминалось не умом, а пальцами.

- Пузырек восточного уровня бежит к пальцу... Так... я давлю сюда, картушка пойдет сюда... Значит - наоборот: я сюда, она сюда...

Все казалось возможным и легким, кроме одного, преодолеть сантиметр воздуха между пальцем и блестящей трубкой уровня. Казалось, стоит его коснуться - и компас мгновенно "вывернется".

Палец застыл у уровня. Он дрожал, как нож в руке молодого хирурга, первый раз делающего разрез живого человеческого тела. Палец не мог преодолеть сантиметр воздуха, пропастью легший между теорией и практикой.

Секунды летели. Гирокомпас угрожающе гудел и лгал: штурману, кораблю и Красному флоту. Англичанин шел к нижнему центральному посту.

Снигирь глубоко вздохнул и, задержав выдох, вдруг приложил палец к уровню.

Уровень был как живой. Он упруго воспротивился и не двинулся с места. Зато картушка побежала вправо - туда, куда она и должна была пойти по правилу штопора. Снигирь тотчас отнял палец.

Это было совершенно замечательно.

Снигирь улыбнулся и стал дышать свободнее. Он пригляделся к курсу и вновь коснулся уровня. Картушка на этот раз чуть перевалила цифру 63. Снигирь коснулся уровня с другой стороны. Победа сделала его наглым. Теперь он добивался точности.

Снигирь выпрямился и тут только заметил, что пот непрерывной струей льет по ребрам, а сердце колотится, как звонковое реле. Сам Костровцев не мог бы выполнить этот смелый и опасный маневр быстрее и аккуратнее. Гирокомпас был побежден Снигирем окончательно.

- Что, Взял?.. На-кось выкуси! - сказал он вслух и показал гирокомпасу кукиш. Кукиш, конечно же, относился к англичанину.

- Дурак, - сказал сзади голос Костровцева.

Снигирь обернулся. Костровцев стоял у трапа, а за ним тянулась длинная фигура англичанина.

- Дурак! И вредный притом, - повторил Костровцев. Он был серьезен и не на шутку зол. - Геройствуешь? Чудеса показываешь, да? Грех скрываешь, а о корабле не думаешь? А если б ты компас вывернул?

- Не вывернул бы, - сказал Снигирь, тоже рассердившись. - Я же сообразил сперва, а потом тронул. Не с маху. Мозги тоже есть.

- Не в мозгах дело, а в компасе!.. Ты компас мог разгробить, понимаешь ты, чучело!.. Я десяток лет с компасами вожусь - и то бы задумался.

- А я третий год. Только теперь три года за десять лет идут, товарищ милый. Темпы! - отрезал Снигирь победоносно и взял телефонную трубку. Мостик дай, - сказал он с торжеством, косясь на Костровцева. - Старшего штурмана попросите, носовая матка... Товарищ командир, носовой компас врал на семь градусов из-за сквозняка... Приведен в меридиан, работает исправно... Нет, я тут один был... Сам и привел...

Потом он замолчал и долго слушал трубку. Лицо его вытягивалось.

- Есть, товарищ командир, - сказал он упавшим голосом и повесил трубку.

Костровцев хитро на него посмотрел.

- Дымится? Кажется, ничего фитилек вставили... смотри, штаны прожжет!

- Да ну, какого там черта... - сказал Снигирь, краснея до слез.

Самолюбие его было уязвлено. Он понял, что геройство его оказалось в уничтожающих кавычках. Ни штурман, ни Красный флот в этом геройстве не нуждались. Оно было вызвано ложным самолюбием, а причиной этого был англичанин.

Он посмотрел на него с открытой ненавистью.

Англичанин, показав длинные зубы, что-то стал говорить Костровцеву, кивнув головой на Снигиря.

- Он говорит, что хороший специалист никогда не будет рисковать без толку, - сказал Костровцев. - Он говорит, что ты должен был подождать нас. Он говорит, что ты молод и немного горяч, а специалист должен быть всегда спокоен.

- Пусть у себя учит, - сказал Снигирь зло. - Здесь не Англия.

- А еще он говорит, - опять стал переводить Костровцев, - что однажды у них на "Корнуэлле"...

- Где? - обернулся Снигирь, точно его ударили.

- На "Корнуэлле", крейсер такой английский, он на нем всю войну плавал.

Снигирь побледнел, и в глаза ему плеснул восемнадцатый год.

Он посмотрел на англичанина. Лицо его казалось теперь знакомым Не слушая, что продолжает говорить Костровцев, Снигирь вызывал из мучительно-плотного тумана мальчишечьей памяти вечер тринадцатого июля, пятницы, во всех его страшных подробностях.

Он обошел компас и взглянул англичанину прямо в лицо. Оно неприятно дергалось правой щекой. Глаза улыбались.

- Атт, сука... - сказал Снигирь и беспомощно оглянулся.

На трапе показались ноги главстаршины, и Снигирь кинулся к люку.

- Товарищ главстаршина, мне срочно к штурману!.. Подсмените!..

Старшему штурману ужин приносили на мостик. Он кончал суп, придерживая левой рукой бинокль на груди, когда в рубку вошел Снигирь.

Штурманские электрики, попадая на походе на верхнюю палубу, любили подыматься на мостик. Здесь согласно и четко работали указатели, вел свой автоматический дневник курсограф, записывая на разграфленной ленте курс корабля. На особом столе ползал одограф - его карандаш чертил по карте путь корабля, пробираясь между пунктирами отмелей. Именно за ним любили следить хозяева гирокомпасов. Он воплощал собою всю точность электронавигационного дела - маленький прибор, который плывет по карте, в совершенстве копируя движение корабля по воде.

Штурман подвинулся к столу, давая дорогу Снигирю, и, запихивая в рот хлеб, кивнул ему на одограф: любуйся, мол. Но Снигирь остановился у стола.

- Разрешите, товарищ командир, с личным делом?

- Мгм, - сказал штурман, кивая головой: кусок оказался велик.

- Товарищ командир, у нас тут англичанин...

- Точно, - сказал штурман, прожевав, и подцепил на вилку котлету.

- Я видел его в восемнадцатом году в числе матросов крейсера "Корнуэлл", которые расстреляли у нас в поселке русского матроса и двух рыбаков, - сказал Снигирь, бледнея.

Штурман перестал есть и положил вилку.

- Расскажите толком, - сказал он. Скулы его сжались, и на щеках выступили два неподвижных желвака.

Снигирь рассказал.

Тринадцатое июля не закончилось расстрелом карбаса. Англичане высадились в поселок. Они искали тех, кто доплыл до берега. Кроме Федюшки, доплыл третий русский матрос. Мокрые штаны Федюшки оказались уликой. Офицер в пиджаке с золотыми кругами на рукавах отодвигался от Федюшкиной матери. Она ползала по полу, хватаясь за длинные остроносые его ботинки. Федюшка сухими глазами смотрел на английских матросов (слезы кончились еще в воде). Тот, что стоял у двери,

был высоким и тощим, и щека его неприятно дергалась. Потом они ушли, не тронув Федюшку. Дверь осталась открытой. В нее долетели сухие трески винтовочных выстрелов рядом.

Убитых похоронили на следующий день. Их было трое: русский матрос, Пашкин отец, во дворе которого нашли матроса, и Сережкин дед. Его пристрелили, потому что он ударил английского матроса, тащившего отца Пашки из избы.

- Вы не обознались? - спросил штурман, гася папиросу. - Дело серьезное, товарищ Снигирь...

- Нет, - ответил Снигирь твердо. - Я бы не узнал, если бы Костровцев не сказал, что тот плавал на "Корнуэлле". Лицо я потом вспомнил. Он постарел.

- Ну, пошли, - сказал штурман и открыл дверь. - Яков Яныч! - окликнул он младшего штурмана. - Я сейчас поговорю с командиром и спущусь вниз. Курс шестьдесят девять с половиной, так и идите.

У комиссара Снигирь повторил рассказ полностью. Комиссар собирался бриться. Горячая вода стояла на умывальнике, но ей привелось бесполезно остыть.

- Так. Позовите сюда Костровцева, товарищ Снигирь, и можете пока быть свободны, - сказал комиссар официально и потом кивнул головой: - Молодец, Снигирь! Никогда не забывай про классовую бдительность!

В пост Снигирь вернулся как пьяный. Он не мог уже быть спокойным. Нервы его натянулись.

"Классовая бдительность", - сказал комиссар. "Шовинизьма", - говорили ребята. Не все ли равно, откуда родилась эта ненависть? Она принесла плоды, и плоды эти пьянили Снигиря ощущением победы.

Как будет дальше? Он - английский подданный. Англия прикрывает его своим пышным флагом.

Вышлют из Союза... И только? А может, арестуют?

Снигирь уперся взглядом в указатель скорости. Английские буквы на нем издевались. Стрелка покачивалась насмешливо, будто палец перед носом, когда человек говорит: "Ни-ни!" Потом она резко качнулась вправо и заколебалась у цифры 12. Поход кончался.

Перед постановкой на якорь в нижний центральный пост спустился Костровцев. Он посмотрел на Снигиря внимательно и удивленно, точно увидел его в первый раз.

- Ну, как там... с англичанином-то? - спросил Снигирь, будто спокойно.

- А вот станем на якорь, приходи на партсобрание. Открытое. Комиссар сказал, чтоб ты обязательно был, - ответил Костровцев,

отводя глаза в сторону.

Кают-компания быстро наполнялась, и Снигирь едва успел занять место в одном кресле с рулевым Владычиным, как вошел комиссар, а за ним англичанин, Костровцев и командир корабля. Они прошли к столу, и собрание открылось.

- Слово для доклада предоставляется политэмигранту товарищу Бэну Хьюдсону, - сказал комиссар и первым хлопнул в ладоши.

Снигирь опешил, но, пока трещали аплодисменты, сообразил, что комиссар бьет на эффект: пусть сперва тот поговорит, а потом он предложит Снигирю сорвать с него маску.

- Переводить будет товарищ Костровцев, он в Англии был, ему и карты в руки, - сказал комиссар, садясь. - Скажи ему, пусть начинает.

Англичанин встал, заметно волнуясь.

- Комредс, - сказал он и быстро произнес длинную фразу.

- Товарищи, - сказал Костровцев, смущаясь и отодвигая пальцем воротник кителя, - прежде всего он просит позволения... передать вам... - Он махнул рукой и быстро закончил: - Одним словом, приветствует Красный Балтийский флот от имени Английской коммунистической партии и все такое прочее...

Командир улыбнулся, и, пока хлопали, он, наклонившись к комиссару, что-то ему сказал, смотря на англичанина. Тот тоже улыбнулся и стал говорить медленнее. Костровцев, запинаясь, переводил:

- Товарищи! В нашем общественном... общем деле освобождения рабочих всего мира большим... как это... препятствием служат национальные переборки...

- Перегородки, - подсказал командир, и англичанин опять улыбнулся, смотря на Костровцева.

- Верно, национальные перегородки... Сейчас я болен... Но тут обо мне он... дело, так сказать, личное.

Командир, окончательно рассмеявшись, встал.

- Товарищи, - сказал он, маленькая неувязка. Товарищ Хьюдсон сказал дословно следующее: "Вот сейчас я мучаюсь, видя перед собой впервые советских матросов, целый коллектив партийцев-матросов, и не имея возможности говорить с ними на одном языке. Боюсь, что товарищ Костровцев несколько неточно передает вам мои слова. Это тоже одно из проклятий национальных разделений..."

Смех прокатился по собранию, и кто-то крикнул:

- Просим, товарищ командир! Переводите сами!

- Пожалуй, я буду не лучше предыдущего оратора. А впрочем, попробую.

Он повернулся к Хьюдсону и обменялся с ним несколькими фразами.

- Провалил, Костровцев, - сказал комиссар, укоризненно качая головой. А еще в Лондоне жил...

Костровцев, сконфуженный, но довольный, сел, вытирая платком шею.

- Комредс, - опять начал Хьюдсон, и командир стал рядом с ним.

Он был широк в плечах, спокоен и прост. Тридцать семь лет несколько отяжелили его, и говорил он, как стоял: плотно, широко и уверенно. Говорить он привык, и говорил хорошо, не задерживаясь на середине фразы и обходясь без неизбежных "так сказать", "значит" и прочих ненужных слов, употребляемых ораторами в качестве уловки, пока мысль не оформится в слово. Он переводил сразу по две-три фразы, останавливая англичанина поднятой рукой.

Следующей мыслью Хьюдсона была оценка Красной Армии и Флота как армии класса, а не нации. Это бесспорно для вас, сказал Хьюдсон, и это с каждым днем укрепляется в сознании разорванного на нации пролетариата.

Англичанин! На этом слове висит проклятье многих наций, сказал Хьюдсон. Оно звучит последней бранью в устах индуса, негра, бушмена.

Англичанин! Англия шлет в колонии самых твердых и жестоких слуг английского капитала. Именем Англии прикрываются его страшные дела.

Англичанин! Это слово туманит ум многих, заливает глаза кровью и зовет к мести.

"Смотрите, как ненавидит нас с вами мир, - говорят нам банкиры и фабриканты. - Нас ненавидят за то, что Англия сильнее всех, что она обеспечивает каждому англичанину благосостояние, за то, что она дает работу вам, английским рабочим, а не немецким. Нас ненавидят как представителей единственной нации, которая сумела утвердить свое место под солнцем. Смотрите, как весь мир хочет уничтожить нас, англичан!"

Так говорили нам, матросам крейсера "Корнуэлл", в 1914 году, когда мы переменили в погребах практические снаряды на боевые. Тогда мы не знали, что мир делится не на нации, а на классы. Я был сперристом. Билли Кросс был рулевым. Это он сказал мне первый об этом. Я рассмеялся - это придумали немцы, чтобы ослабить Англию. Мы топили немецкие подводные лодки. "Там такие же рабочие, как мы, - говорил Билли. - Почему мы их убиваем, ты знаешь?"

"Корнуэлл" метался по всем океанам. Мы обстреливали где-то у Африки остров. На нем была деревня. Билли сказал: "Там такие же крестьяне, как мы".

Война все же надоела. Она закончилась. Мы думали отдохнуть. Но через месяц мы опять приняли боевые снаряды и пошли в Белое море.

"Вот Россия, - сказали нам. Берега были унылы. - Та Россия, которая изменила Англии. Она продалась немцам и бросила нас в самый тяжелый момент войны. Измену она назвала революцией. Мы пришли сюда наказать изменников, из-за которых были убиты лишние тысячи англичан".

Это было понятно. Но Билли вечером сказал:

- Бен, а зачем здесь болтаются траулеры?

- Очевидно, ловить треску, - сказал я.

- Так ведь воды русские?

- Они изменники, - сказал я.

- А мы грабители, - сказал он.

Билли повернул дело иначе.

- В России революция, - сказал он, - власть взяли рабочие и крестьяне. Они не хотят, чтобы их треску ловила английская фирма, Ведь это английская фирма, Бен?

Я задумался. Тогда Билл стал наседать:

- Что бы ты сказал, Бен, если бы французские траулеры пришли в Дорн-Кеп и стали у тебя под носом ловить треску? И если бы французский крейсер отгонял бы тебя от трески снарядами? Твои дети голодали бы, Бен?

Надо сказать, что до службы я был рыбаком.

- "Корнуэлл" здесь не затем, - сказал я, - мы помогаем свергнуть в России власть, которая заключила предательский мир.

- "Корнуэлл" здесь затем, чтобы охранять траулеры рыболовного акционерного общества Ферст, - сказал Билли. - "Корнуэлл" здесь затем, чтобы поддерживать порядок в новой английской колонии, называемой Северной Россией. Эта колония, изобилующая рыбой, нужна Ферсту. Кому же мы служим, Бен: Англии или Ферсту?

Это я увидел своими глазами. Мы были в море. Траулеры ловили треску. Нас подозвали сигналом. Капитану сообщили, что их обстреляло сторожевое судно под красным флагом. Мы дали полный ход и к вечеру увидели его на горизонте. Мы потопили его третьим снарядом. На другой день мы подходили к месту стоянки. Я был свободен от вахты. Наше отделение вызвали наверх и приказали взять винтовки. Мы сели в катер и пошли на берег. Там оказался поселок, не видный с корабля. Это был

рыбачий поселок. Сети сушились. Лодки были перевернуты, и смола в пазах днища пахла точно так же, как в Дорн-Кеп.

Лейтенант сказал:

- Надо найти людей с рыбачьей шлюпки, которые доплыли до берега. Они не подчинились сигналу. Вы узнаете их по мокрому платью. Это большевики.

Большевики были те, кто заключил с немцами мир. Их называли предателями. Но Билли рассказал мне о них другое. Я хотел посмотреть, что это за люди. Многое они говорили верно, если правильно рассказывал Билли.

В одном доме мы нашли мальчика. Он был в мокром белье. Лейтенант сказал:

- Бесчеловечно наказывать детей. Оставьте его.

Лейтенант был настоящим англичанином. Англичанин не бьет беззащитных, говорили нам в школе.

Рядом мы нашли мокрого человека между пустыми бочками. Он был в матросской форме. Это был первый большевик, которого я увидел.

- Где хозяин дома? - спросил лейтенант.

Никто его не понял. Большевик стоял и плевался сквозь передние зубы, редко и спокойно. Унтер-офицер позвал меня и прошел в дом. Мы взяли там рыбака. Когда мы повели его на улицу, к нам подбежал старик и ударил унтер-офицера по лицу.

- Большевик! - сказал унтер-офицер и доложил лейтенанту.

Мы поставили большевиков к сараю. Рыбаки провожали нас глазами. Я смотрел на сети. Они были такие же, как в Дорн-Кеп.

Старик умирал тупо. Он так и не понял, что его убили. Рыбак плакал и что-то говорил. Матрос умер превосходно. Он воспользовался несколькими английскими словами, которые знал. Он поднял руку и ткнул себя в грудь.

- Матрос! - сказал он и показал на нас. - Тоже матросы. - Потом показал на рыбака. - Пролетарий! - И опять на нас. - Тоже пролетарий.

Потом повернулся к лейтенанту и сказал:

- Офицер, хозяин, убийца! - и великолепно выругался по-английски. Лейтенант скомандовал:

- К стрельбе!

Мы подняли винтовки. Матрос вскинул голову и плюнул сквозь зубы в сторону лейтенанта.

Мне показалось, что большевик был прав. Рыбак был такой же, каким был я до службы. Билли тоже был прав.

Я опустил винтовку. Лейтенант посмотрел на меня.

- Хьюдсон, не валяйте дурака, - сказал он. - Вы слышали команду?

- Да, сэр, - сказал я. - Я стрелять не буду.

- Огонь, - скомандовал он, и остальные выстрелили.

На корабль меня привели под конвоем. Я получил два года военной тюрьмы. Это была хорошая школа. Мертвый большевик привел меня в партию. Она достала мне чистые документы и послала на завод Сперри. Там делали гирокомпасы и была большая партийная работа.

Когда разгромили АРКОС, мы вышли на манифестацию протеста. Нас арестовали. Докопались до моей настоящей фамилии. Меня приговорили к пяти годам и отправили в колонии. Не буду рассказывать, как я бежал на родину. Она оказалась здесь, у вас, - родина угнетенных всего мира.

Сегодня меня узнал тот русский мальчик, который был в мокром платье. Теперь он краснофлотец. Он здесь, среди вас. Мне сказали, что он ненавидит англичан. Мне кажется, он не понимает, кого он должен ненавидеть. Я англичанин. Он обвиняет меня в том, что я расстреливал тогда матроса и рыбаков.

Его глаза ослепляет кровь. За ней он не видит, кто действительно убил его отца и расстрелял тех троих. Эта же кровь промыла мои глаза, и я стал видеть как надо. Если моя жизнь не убедила его в том, что не все англичане его враги, я прошу его об этом сказать.

- Товарищ Снигирь, имеются ли у вас вопросы к докладчику? - спросил командир, и всем показалось, что он вдруг заговорил по-русски. О нем забыли: хотя переводил он, но все смотрели на Бена, на дергающуюся его щеку и на его английские длинные зубы. Теперь все повернулись к Снигирю.

Снигирь очнулся. Кровавый туман плыл в его глазах. Через него, через тринадцатое июля, пятницу, через рухнувшую стену национальной вражды он крикнул хрипло и взволнованно:

- Нет! Не имею!

1931